

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930.23(47).084.3

DOI 10.26456/vthistory/2025.1.169–180

О книге Годунова К.В. «“Красная Пасха”: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны» (СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – 256 с.)

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Обращаясь к работе К.В. Годунова, посвященной большевистским революционным праздникам времен Гражданской войны, автор статьи проводит параллели между практиками идейного самоутверждения французской (1789 г.) и российской (1917 г.) революций. Показано, что в России, в отличие от Франции, большевики старались не столько уничтожить старую праздничную культуру, сколько использовать ее в своих собственных целях. При этом ход и исход революции в России стал приобретать упрощенную идейно-политическую интерпретацию не только благодаря примитивизации и вульгаризации марксизма, но и в результате традиционной «карнавально-балаганной» эстетизации революционного насилия. В связи с этим работу Годунова можно приветствовать в качестве триггера будущей планомерной работы по выявлению реального культурно-антропологического содержания большевистского переворота.

Ключевые слова: *Россия, революция, Гражданская война, революционные праздники, большевистская пропаганда, традиционное сознание, библейские символы.*

Прошлое превращается в историю отнюдь не в первозданном своем виде. В особой степени это относится к социальным катастрофам – войнам, революциям. Кто при этом формирует историческую память: воинствующие революционные политики или упрямая традиционная масса, авангардистские элиты или «косные» низы? И насколько осно-

вательно способна революция заразить своим духом социальное пространство?

Исследователи, изучающие революционное время, обычно концентрируются на «победителях» и их оппонентах или же на эстетизированных с помощью кино и литературных произведений образы тех и других. Нарушается принцип герменевтики – обязательность «вжива-

ния» в прошлое для понимания мотивации действий «героев» и «анти-героев». С другой стороны, ограничиваясь только документами изучаемого времени, минуя приёмы компаративистики, невозможно понять, как «люди прошлого» (основная масса населения) видели своё настоящее и будущее, из чего складывались их текущие мироощущения. Ещё труднее уяснить, в какой степени удалось большевикам осуществить необходимый поворот в сознании масс.

К.В. Годунов предпринял новаторскую попытку, взявшись прояснить этот вопрос, обратившись к одному из «неформальных» способов большевистского воздействия на людские умы. Речь идёт о праздничной репрезентации октябрьского переворота в условиях угрозы военной контрреволюции¹. К исследованию привлечена мощная документальная база, включая пласты «провинциальных» источников. Это создаёт особую когнитивную ауру, порождающую вместе с тем массу вопросов и комментариев.

О революционной праздничной культуре написано довольно много. При этом исследователей привлекала преимущественно внешняя – декоративно-красочная – сторона манифестаций. Сказывался интерес ко всему необычному, что принёс с собой невиданный исторический переворот. Между тем революционерам с помощью массового дей-

ства предстояло соединить политику с психологией, пропаганду с верой, эстетику с моралью. Последовал поиск образов, способных убедить в исторической оправданности большевизма. Эмоциональный натиск победителей был велик, однако «инертные» массы вряд ли успевали улавливать подлинный смысл их призывов. Настолько уместно в связи с этим говорить об идейном утверждении большевизма к концу Гражданской войны?

Автор справедливо отмечает, что в рассматриваемый период «отчётливо проявились важные элементы особой политической культуры, не всегда контролируемые большевиками» (с. 13). Нечто подобное происходило во Франции после 1789 г.: революционным манифестациям, призванным упорядочить социальный хаос, противостояла традиционная праздничная культура, выстроенная на «иррациональных» основаниях. В результате «между революцией и утопией с самого начала происходило недоразумение»; истинным праздником низы считали ничем не скованный разгул народного подсознания². Однако противники большевиков с самого начал подчёркивали различия между якобинцами и большевиками, утверждая, что первые верили, что они открыли дверь в гармоничное общество, тогда как

¹ Монография К.В. Годунова уже получила положительный отзыв (см.: *Пущенков А.С.* Праздник Октября под колокольный звон // *Российская история*. 2023. № 6. С. 193–197). В данном случае

его работа рассматривается под иным углом зрения.

² *Озюф М.* Революционный праздник, 1789–1799. М., 2003. С. 20, 28.

якобы последователи цинично предавали национальные интересы³. Как же в действительности было в России?

Понятно, что наступление на социально-революционный хаос большевистская власть вела не только в связи с «юбилеями». Однако именно последние в силу массовости и экспрессивности могли сыграть в этом важнейшую роль. Так или иначе, для окончательного утверждения революции новым ритуалам предстояло вытеснить «консервативную» религиозно-обрядовую праздничную культуру. Задача осложнялась тем, что «пролетарская» революция стала ассоциироваться с Пасхой ещё в позапрошлом веке – для рабочих это был день 1 Мая, расцвеченный красными флагами⁴. Не удивительно, что после падения самодержавия, вопреки великопостным запретам, в России воцарилось именно пасхальное настроение⁵. Для идейных революционеров это было не совсем кстати. К тому же народные празднества исходили из потребностей общественной релаксации; коммерциальная отсылка к революции, напротив, должна была нести в себе общественно-мобилизационный посыл. Образ «Красной пасхи» промелькнул и в 1920-е гг., причем он

нёс совершенно иную – антирелигиозную – идейную нагрузку⁶.

Первая глава монографии посвящена рассмотрению принимаемых в связи с «юбилеями» организационных решений. Поскольку переходным этапом от стихийных пролетарских «маевок» к официальным празднествам стало 1 Мая 1917 г., то на этом моменте автору стоило бы остановиться подробнее. Майский праздник вроде бы стал к тому времени для рабочих «своим», но как они восприняли его в свете новых невзгод? К тому же актуализировались претензии социалистических оппонентов большевиков – особенно меньшевиков и анархистов, единодушно выступивших против «огосударствления» самостоятельных начинаний трудящихся. Так, плехановская газета высмеяла набор из 18 революционных лозунгов, предложенных «Правдой». Напоминалось, что за здравницей по поводу «перехода всех фабрик и заводов в руки советской республики» в реальной жизни скрывалось прогрессирующее разрушение производства. Фальшивым признавался и лозунг «Да здравствует Красное знамя свободного и честного труда»⁷. Празднование, считали противники большевиков, провалилось. Но так ли однозначно все было?

³ *Shlapentokh D.* The Counter-Revolution in Revolution. Images of Thermidor and Napoleon at the Time of Russian Revolution and Civil War. NY, 1999. P. 133, 134.

⁴ *The Invention of Tradition.* Ed. by E. Hobsbaum and T. Ranger. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. P. 284.

⁵ См.: История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–

1917 гг. Кн. 2. От развала империи к Гражданской войне. 2024. С. 111–118.

⁶ *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920 – 1930 гг. М., 2012. С. 275.

⁷ Единство. Ежедневник. 1918. № 1. 5 (18) мая. С. 5.

Редакция большевистского издания видела задачу революционного творчества в том, чтобы «делать жизнь красивее, справедливее, внутренне [так в тексте.— В.Б.] богаче». Левые авторы были настроены, однако, агрессивно. Так, в стихотворении «Весна придёт» упоминалось и «крои море», и то, что «огнём святым, огнём нездешним / Горит Весна, — Весна ликует»⁸. В общем, новые праздники были призваны эстетически активизировать массы в совместном порыве к будущему, опираясь на прошлые революционные эмоции.

В антибольшевистской прессе тем временем отмечали: «Тоскливо проходят в Петрограде приготовления ко дню 1 мая... Предметом всех обывательских разговоров является пресловутая восьмушка хлеба, которую с понедельника получают нетребовательные жители петроградской коммуны... Не обходится без тревожных слухов. Говорят, будто 1 мая анархисты, поддержанные матросами, выступят против большевиков. Говорят, но уже менее уверенно, о выступлении меньшевиков и эсеров». Похоже, что празднование было проигнорировано многими пролетариями. Сообщали о небольшой колонне, шедшей по Невскому проспекту со знаменем Обуховского завода, за которым следовало 8 человек. Основную массу демонстрантов составляли красногвардейцы⁹.

Примечательно, что в начале января 1918 г. Ленин высказался о

«чудовищной бездеятельности питерских рабочих», не умеющих самостоятельно бороться с классовыми врагами, среди которых на первый план вышли спекулянты и грабители¹⁰.

В других городах происходили по-своему символические события. В Москве — новой большевистской столице — из опасения провокаций обыватели предпочитали оставаться дома. Празднование 1 мая в Кронштадте обернулось конфузом: услышав первомайский салют, жители решили, что в город вступили белогвардейцы, а матросы стали готовиться к отражению неприятеля. Празднование первой годовщины Октября вновь отметили заводскими гудками, пушками, пулеметами, взрывами бомб (с. 60).

А.В. Луначарский по-своему интерпретировал произошедшее. Он отметил, что по Марсовому полю шли «толпы измождённых, голодных, но торжественно и мужественно настроенных» рабочих, при этом было много «войска». Вместе с тем, согласившись, что это празднование «было официальным», он с вызовом утверждал: «Но разве не упоительна сама идея, что государство, досель бывшее нашим злейшим врагом, теперь — наше и празднует Первое мая, как свой величайший праздник!»¹¹. В общем, большевики взялись приучать массы к своему торжеству. Этому до некоторой степени способствовали традиционные этатистские и патерналистские устремления низов. Интересно, что

⁸ Творчество. Литература–Искусство–Наука–Жизнь. 1918. № 1. Май. С. 1–2, 10, 15.

⁹ Заря России. 1918. 1, 3 мая.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 311, 313.

¹¹ Луначарский А.В. О массовых праздниках, эстраде и цирке. М., 1981. С. 80, 83.

Луначарский призывал «учиться у толпы», «потворствовать её вкусам», чтобы понять, «в чём заключаются эти вкусы», а затем «выделить благородное в человеческой психике»¹².

Задача была не из простых. В связи с «антибуржуйскими» манифестациями футуристов возник вопрос: «Каково могло быть... массовое агитационное значение столь частых в первую годовщину Октября плакатов, дающих изображения груды кубистически изломанных человеческих тел с трудно разгадываемым значением...?»¹³. Какой образ революции предлагали левые модернисты?

Как известно, К. Малевич участвовал в оформлении праздничных торжеств в Москве, в Киеве Крещатик также оказался во власти авангардистов, но больше всех запомнился своими инициативами в Витебске М. Шагала. Но как воспринимался плакат, на котором под лозунгом: «Мир хижинам, Война дворцам» жутковатый бородатый пролетарий вздымал дворец с колоннами с намерением грохнуть его оземь? Как признавал сам автор, некоторые из его работ «с сильной деформацией форм и непонятными символами были далеки от требований революционного искусства». В результате жителям приходилось обращаться к художникам за соответствующими разъяснениями¹⁴. В принципе, люди,

воспитанные на «лубковой» культуре, вряд ли могли переварить авангардистские эксперименты В. Маяковского и К. Малевича. Однако и кубисты не могли захватить монополию на экспрессивную репрезентацию революции. «Плакат тороплив, лубок медлителен»¹⁵, – отмечали современники. Найти «золотую середину» пока не удавалось.

В том же Витебске первую годовщину Октября наряду с революционными лозунгами предлагалось ознаменовать колокольным звоном¹⁶. Единства мнений относительно стилистики празднования не было. Хватало и революционной халтуры. Так, Ленину показался «странным» памятник Карлу Марксу, «стоящему на четырёх слонах»¹⁷.

Конечно, превратить память о большевистском перевороте в торжество всех трудящихся в тогдашних условиях было непросто. Отсюда предложение московского начальства отказаться от «внешнего декорирования» и организовать «уличное массовое движение стройными колоннами». Однако это не понравилось районным руководителям, полагавшим, что инициатива должна идти снизу. В общем, сразу же наметился конфликт: как праздновать, кому дирижировать невиданным спектаклем (с. 35–36). С другой стороны, кто должен опреде-

¹² Жизнь искусства. Ежедневная газета. 1918. № 31. 7 декабря. С. 2.

¹³ Гуцин А. С. Изо-искусство в массовых празднествах и демонстрациях. М., 1930. С. 13.

¹⁴ Искусство коммуны. 1918. 22 декабря.

¹⁵ Полонский В. Русский революционный плакат. М., 1925. С. 113.

¹⁶ Шамиур В. В. Празднества революции. Организация и оформление советских массовых торжеств в Белоруссии. Минск, 1989. С. 26.

¹⁷ Луначарский А. В. Ленин (Очерки). М., 1924. С. 45.

лять революционную эстетику: профессиональные художники или массы? Этот вопрос обострился к концу десятилетия¹⁸. Так было и в революционной Франции. В том и другом случае решения не находилось и в силу несовпадения языка культур элит и низов. При этом за три года во Франции «разрыв между праздничными образами и действительностью стал куда глубже»¹⁹.

Вторая глава – «“Один сплошной энтузиазм...”: праздник и эмоции» – посвящена «мобилизации чувств». Предполагалось, что «дни годовщины должны явиться повторением переживаний Октябрьской революции», при этом празднества не должны носить официального характера (с. 55). Между тем уже в 1918 г., отмечает автор, «проявление спонтанных инициатив» стало ограничиваться сверху (с. 64). Так, в Петрограде, где «основным локусом» для демонстрантов должен был стать Смольный, а главным событием – открытие памятника К. Марксу, смысл события определился шествием, в котором большую роль сыграли красноармейцы, марширующие через буржуазные кварталы столицы (с. 66–67).

Трудно сказать, насколько оптимистично были настроены толпы. Немецкому журналисту показалось, что Москва «шумно и весело» праздновала годовщину революции. «Футуристические аллегории висят среди колоннад», – отмечал он. В этот день «бракосочетания идеи и

хаоса» массы идут в строгом порядке, а среди колонн движутся «комические фигуры, одетые в настоящие генеральские мундиры, в зеленые шитые золотом фраки дипломатов и белые брюки»²⁰.

Ещё одной особенностью празднования первой годовщины Октября стало участие детей (с. 68–68). Как известно, французские революционеры отнюдь не надеялись, что праздник способен подчинить себе человека целиком, как школа – ребенка (отсюда отсутствие на праздниках организованных детей). В отличие от людей эпохи Просвещения, большевики не признавали автономии человеческой мысли. Зато они – в соответствии с патерналистской традицией – верили в особое пропагандистское значение раздачи пайков по случаю праздника (с. 72–75).

Сакральный смысл революции, как известно, скрепляется кровью ее героических жертв. Устроители празднования первой годовщины Октября, однако, склонны были отказаться от повторения мартовских похорон 1917 г. Теперь Марсово поле стало центром празднества, связываемое с победами в Гражданской войне (с. 89). В дальнейшем сакрализация жертв развернулась по линии славословий в адрес погибших большевистских руководителей.

Важнейшее место в утверждении главного большевистского празднества, как показывает автор в третьей

¹⁸ См.: Гуцин А.С. Самодеятельное искусство. М.; Л., 1931.

¹⁹ Озуф М. Революционный праздник. С. 117.

²⁰ Глазами иностранцев. 1917–1932. М., 1932. С. 48, 50.

главе, занимал «перенос сакральности», связанный с попыткой привнесения в традиционные знаковые события «революционно-обновляющего» содержания. Определяющую роль в этом сыграл образ «Красной Пасхи». Здесь особо постарались пролетарские и крестьянские поэты. Начиная с марта 1917 г., их риторика в полном смысле слова кишела «революционизированными» религиозными символами²¹.

Французские революционеры унаследовали от прошлых празднеств внешнюю форму: связь религиозной церемонии с революционными торжествами оказалась устойчивой²². В России созвучие старой и новой сакральности было заметнее. Так, корреспондент провинциальных «Известий» призывал «ревностно» подготовиться к «смотре наших сил», «употребляя церковный оборот, постом и молитвою». Стороннику Октября предлагалось уподобиться «воскресшему Христу» (с. 107). Глава петроградских большевиков Г.Е. Зиновьев предлагал прислушаться к словам одного крестьянина, чтобы отметить годовщину Октября как «Пасху рабочего класса и крестьян». Правда, нарком Луначарский внёс в подобные предложения поправку: сбросить со «старых поэтических праздников поповские руки» и в дни «хмурого Октября» полюбить «социалистическое солнце» (с. 108, 109). В связи с этим в книге приводится ряд характерных метафор: «Пасха красная борьбы», «Пасха будущих времен», «Великая

Пасха человечества», «Пролетарская Пасха» и т. п. (с. 112–115). Сказывалась та же тенденция, что во Франции: чем дальше от идеологического центра, тем больше характерных импровизаций.

Многие авторы распаляли себя воспоминаниями о «немыслимых страданиях». Отсюда образы «тернового венца», «крестного пути», «Красной Голгофы». Встречались гротескно-оксюморонные метафоры: «всемирный праздник – торжество голгофы» (с. 116). Приверженцы революции словно погружались в семиотический бред. Показательно, что 7 ноября 1918 г. в ходе открытия мемориальной доски в честь «павших борцов Октября» хор Пролеткульта исполнил написанную С. Есениным, М. Герасимовым и С. Клычковым «Революционную кантату», начинавшуюся словами: «Сойди с креста, народ распятый» (с. 117). Кое-где в провинции годовщину «пролетарской Пасхи» встречали колокольным звоном (с. 131). Антиклерикальный настрой порой сочетался с религиозными метафорами. К первой годовщине Октября, к примеру, писали: «Сегодня горит пламя Новейшего Завета. // Сегодня снисходит Дух Вечного Коммунизма. // Сегодня родится Вера в Красного Бога» (с. 136).

Всему этому не приходится удивляться. В критических ситуациях и поэты, и ораторы невольно начинают говорить «библейским праязы-

²¹ См.: Булдаков В.П. Поэтические завихрения «Красной смуты», 1917–1920 // Историк и Художник. Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея

Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 367–393.

²² Озуф М. Революционный праздник. С. 371.

ком». По-другому взывать к «светлому будущему» трудно, да и бесполезно.

Впрочем, что бы ни замыслили большевики, их неумные футуристические сторонники тяготели к монументализации революции. К первой годовщине Октября Н. Альтман расположил гигантские слова «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» на Дворцовой площади (уже переименованной в площадь М. Урицкого) на фоне деревьев, задекорированных в громадные геометрические фигуры. Он полагал, что необходимо противопоставить прошлому архитектурному ансамблю в стиле ампира «новую красоту» искусства «победившего народа»²³. Впрочем, другие известные художники пытались передать ощущение революционного обновления с помощью привычной стилистики.

Четвёртую главу автор посвятил попыткам реактивации и переориентации революционного насилия. И в этом большевикам помогла традиционная балаганная культура. В прошлом главными врагами трудящихся представлялись царь, его генералы и полумифические «буржуи» с практически уничтоженными помещиками. Теперь к ним добавились окарикатуренные фигуры иностранных «капиталистов», буржуазных политиков и белых генералов. Так складывался в образ «вселенской нечисти». Идея мировой революции незаметно приобретала авторитаристское и ксенофобское звучание.

²³ Альтман Н. Воспоминания // Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. Советское декоративное искусство. М., 1984. С. 65.

Одновременно праздник подпитывался идеей тотального террора. «Маркс всегда был террористом в том смысле слова, как является сейчас Совет народных комиссаров во главе с Лениным», – напоминал Г.Е. Зиновьев в 1918 г. (с. 147). Аналогичную мысль высказал В.И. Ленин, явно неслучайно посетив 7 ноября 1918 г. праздничный митинг-концерт в клубе ВЧК, здание которого было украшено лозунгами: «Война и смерть классовым врагам пролетариата, мир всему миру пролетарской семьи», «Пролетариат – могильщик буржуазии» (с. 149–151). В этом не было ничего исторически нового: террор был составной частью идеологии Французской революции²⁴. Но в России жертвенный «пролетариат» уже давно превратился в позитивный собирательный образ. Примечательно, что художник Г.В. Федоров в 1918 г. предложил для оформления октябрьской Москвы панно «Степан Разин созывает бедноту»²⁵. 1 мая 1919 г. в Москве на Красной площади был открыт временный памятник Степану Разину работы С. Коненкова, на его открытии выступал Ленин. Пользовалась популярностью поэма В. Каменского «Сердце народное – Стенька Разин, которая позднее была переработана в пьесу. Через год в «Мистерии освобожденного труда» в Петрограде к бунту «рабов» к римским гладиаторам также присоединялись «восставшие крестьяне Стеньки Разина». Наконец, в честь третьей годовщины Октябрьской революции в Большом

²⁴ Фюре Ф. Постигание Французской Революции. СПб., 1998. С. 71.

²⁵ Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. М., 1984. № 143.

зале консерватории прозвучали хоровые произведения Ю.Д. Энгеля «Стенька Разин» и «Песнь о Стеньке»²⁶. Так, используя образ «благородного разбойника», превращенного в революционера, насаждался дух тотальной гражданской войны.

Разумеется, «красный террор» представлялся «ответным». Во Франции прославление бывшего мученичества также выступало призывом к действию: гражданам, вооруженным вилами и палками, предлагалось изображать «Революцию, влекущую тиранов на казнь»²⁷. В России в связи с убийством М. Урицкого всеягонские чекисты поместили на своём здании его портрет с надписью: «Они убили личность. Мы убьем классы». Соответственно, идея мировой революции связывалась с террором против «империалистических противников революции» (с. 152). Не удивительно, что идейные антагонисты большевиков сравнивали их насилие с «языческими жертвоприношениями», приуроченными к годовщине Октября (с. 157).

Практика символической казни своих противников стара, как мир. Царские регалии неслучайно сжигались в марте 1917 г. Теперь инициатором публичных сожжений фигур В. Вильсона, Д. Ллойд-Джорджа, Ж. Клемансо и японского микадо выступил 23 октября 1918 г. Л.Д. Троцкий. Позднее он пополнил список российскими и германо-австрийскими контрреволюционерами. Ак-

циям красного аутодафе предписывался «народный плебейский характер» (с. 158). В Москве сжигаемые фигуры должны были «олицетворять собой Старый Строй во всех его проявлениях». Примечательно, что тут же всплыл вопрос: кто определит кандидатов на сожжение – власти или низы? (с. 159–160). В результате здесь, помимо «буржуев» и «империалистов», сожгли фигуры кулака и самогонщика (с. 162). Народ веселился, словно на масленицу, – революция порой обретала статус природного торжества.

Каков был результат, если известно, что семиотически перегруженное социальное пространство теряет экзистенциальные ориентиры? Могли ли люди твёрдо поверить в обещанный социализм? На такие вопросы ещё предстоит найти ответ.

Заключительная глава книги Годунова посвящена утверждению персональных культов. Вряд ли стоило привязывать этот вопрос к годовщинам революции: в последних больше места уделялось «врагам», чем «героям», время устойчивых культов ещё не пришло. Как признаёт автор, нет данных, свидетельствующих о целенаправленно создаваемых культах вождей в ходе празднования Октября (с. 184); даже в 1920 г. в ходе грандиозной постановки «Взятие Зимнего» (отсюда представление о знаковом событии революции) образ Ленина «не обрёл ещё индивидуальных черт и был собирательным» (с. 189). Ленин воспринимался не как конкретная, а

²⁶ Антропология революции: Сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение»

(Москва, 27–29 марта 2008 года. М., 2009. С. 409–410.

²⁷ Озуф М. Революционный праздник. С. 108, 126.

символическая величина: неслучайно Л. Лисицкий в 1920 г. предлагал для вождя революции проекты совершенно немыслимых по высоте трибун²⁸. Революционная стихия оставалась пока деперсонализованной (хотя не анонимной), а базовая символика переворота пока не сложилась.

Все октябрьские коммеморации сопровождались воинственными заклинаниями. «Грядёт мировая пролетарская революция. Родился новый Коммунистический Интернационал, который скоро станет всемирным Интернационалом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», – уверял Г.Е. Зиновьев в 1919 г. Через год он сбавил тон: «Международная пролетарская революция развивается далеко не так быстро, как бы мы этого хотели», однако заверил, что «Коммунистический Интернационал исполнит свою историческую миссию!»²⁹. То, что большевики продолжали надеяться на мировую революцию (что вызывало недоумение западных социалистов³⁰ и российских либералов³¹), несколько расслабляло их пропаганду. Неслучайно А.В. Луначарский отмечал, что французы создавали «народные празднества, в которых, как выражался Робеспьер, народ даёт спектакль самому себе», и сетовал, что «мы не умеем так организовать... торжества, хотя у нас самая масса больше организована, чем тогда»³².

Мобилизовывать массы на «классовое» насилие все же проще, чем суметь придать ему действительно обновляющий смысл.

Сопоставление французских и российских революционных празднеств помогло бы по-новому взглянуть на реальное культурно-антропологическое содержание выдающихся социальных переворотов. Французская историография оставила три ключевых вопроса: проявляется ли в праздниках всенародное единство? Поддаются ли праздники политической интерпретации? Какова роль насилия в революционных праздниках?³³ Во Франции праздники стимулировали создание нации (в том числе и с помощью насилия), в России октябрьские торжества, разжигавшие «классовый антагонизм», внедряли ксенофобское мировосприятие в умы «освобождённых» низов. Большевики, в отличие от французских революционеров, старались не столько уничтожить старую праздничную культуру, сколько использовать её в своих собственных целях. При этом в России революция получала упрощённую идейно-политическую интерпретацию, чему способствовала «карнавально-балаганная» эстетизация насилия.

В 1918–1920 гг. большевики скорее примерялись к дореволюционной политической культуре, нежели

²⁸ Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. № 184, 185.

²⁹ Зиновьев Г. Сборник октябрьских речей и статей. 1917–1924 гг. Л., 1926. С. 52, 71, 74.

³⁰ См.: Уэльс Г.Д. Россия во мгле. [Харьков], 1922. С. 38–39.

³¹ Аничкова С.И. Загадка Ленина: Из воспоминаний редактора. М., 2016. С. 228.

³² Луначарский А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. С. 100.

³³ Озуф М. Революционный праздник. С. 49–50.

пытались взломать её привычное содержание. Впрочем, более убедительный результат развернувшегося процесса можно было бы выявить, продолжив рассмотрение октябрьских (и прочих) праздников в последующие годы и сопоставив их с результатами аналогичной работы

французских революционеров. Таков естественный путь выявления реального культурно-антропологического содержания российской революции. В связи с этим К.В. Годунова можно приветствовать в качестве инициатора будущих исследований в этом направлении

Список литературы:

1. *Гущин А.С.* Изо-искусство в массовых празднествах и демонстрациях. М.: АХР, 1930. – 77 с.
2. *Гущин А.С.* Самодеятельное изо-искусство. М.; Л.: Гос. изд-во изобразительных искусств, 1931. – 262 с.
3. *Озуф М.* Революционный праздник, 1789–1799. М.: Языки русской культуры, 2003. – 416 с.
4. *Полонский В.* Русский революционный плакат. М.: Государственное издательство, 1925. – 192 с.
5. *Фюре Ф.* Постигание Французской Революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 224 с.
6. *Шамиур В.В.* Празднества революции. Организация и оформление советских массовых торжеств в Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1989. – 159 с.
7. *Уэльс Г.Д.* Россия во мгле. [Харьков:] Государственное издательство Украины, 1922. – 82 с.
8. *Shlapentokh D.* The Counter-Revolution in Revolution. Images of Thermidor and Napoleon at the Time of Russian Revolution and Civil War. London: Macmillan, 1999 – 183 p.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19); e-mail: kuroneko@mail.ru

The Holiday for all the Oppressed? About the book by K.V. Godunov «“Red Easter”: Celebration of the Anniversary of October and the Political Culture of the Civil War» (St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2023. – 256 p.)

V.P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Turning to K.V. Godunov's work, dedicated to the Bolshevik revolutionary holidays in Civil War time, the author of the article draws parallels between the ways of ideological self-affirmation of the French (1789) and Russian (1917) revolutions. It is shown that in Russia, unlike France, the Bolsheviks tried not so much to destroy the old festive culture as to use it for their own purposes. At the same time, the course and outcome of the revolution in Russia began to acquire a simplified ideological and political interpretation not only due to the primitivization and vulgarization of Marxism, but also as a result of the traditional "carnival farce" aestheticization of revolutionary violence. In this regard, Godunov's work can be welcomed as a trigger for future systematic work to identify the real cultural and anthropological content of the Bolshevik revolution.

Keywords: *Russia, revolution, Civil war, revolutionary holidays, Bolshevik propaganda, traditional consciousness, Biblical symbols.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References:

- Gushchin A.S., *Izo-iskusstvo v massovykh prazdnestvakh i demonstratsiyakh*, M., AHR, 1930. – 77 s.
- Gushchin A.S., *Samodeyatel'noe izo-iskusstvo*, M., L., Gos. izd-vo izobrazitel'nykh iskusstv, 1931. – 262 s.
- Ozof M., *Revolucionnyy prazdnik, 1789–1799*, M., Yazyki russkoj kul'tury, 2003. – 416 s.
- Polonskij V., *Russkij revolucionnyy plakat*, M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. – 192 s.
- Fyure F., *Postizhenie Francuzskoj Revolyucii*, SPb., INAPRESS, 1998. – 224 s.
- Shamshur V.V., *Prazdnestva revolyucii. Organizatsiya i oformlenie sovetskih massovykh torzhestv v Belorussii*, Minsk, Nauka i tekhnika, 1989. – 159 s.
- Uel's G.D., *Rossiya vo mgle*, [Har'kov], Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy, 1922. – 82 s.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.